

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

УОЛТ
УИТМЕН

Листья травы

МОСКВА

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Сое)-5
У39

Художественное оформление серии *Н. Ярусовой*

Уитмен, Уолт.
У39 Листья травы / Уолт Уитмен ; [перевод с английского К. Чуковского]. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).
ISBN 978-5-04-229638-3

Уолт Уитмен (1819–1892) — американский поэт XIX века, новатор, разрушивший традиционные поэтические формы ради живого слова и свободной речи.

«Листья травы» — его центральный труд: гимн свободе и равенству, телесности и духу, человеку как части природы и вселенной. Свободный стих сборника утверждает ценность личности, радость бытия и полноту жизни, повлияв на мировую поэзию.

УДК 821.111-1(73)
ББК 84(7Сое)-5

ISBN 978-5-04-229638-3

© Чуковский К. Наследники. 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Из цикла
«ПОСВЯЩЕНИЯ»

Одного я пою

Одного я пою, всякую простую отдельную личность,
И все же Демократическое слово твержу,
слово «En Masse».
Физиологию с головы и до пят я пою,
Не только лицо человеческое и не только
рассудок достойны
Музы, но все Тело еще более достойно ее,
Женское наравне с Мужским я пою.
Жизнь, безмерную в страсти, в биении, в силе,
Радостную, созданную чудесным законом
для самых свободных деяний,
Человека Новых Времен я пою.

* * *

Читая книгу, биографию прославленную,
И это (говорю я) зовется у автора человеческой
жизнью?
Так, когда я умру, кто-нибудь и мою опишет жизнь?
(Будто кто по-настоящему знает чего-нибудь
о жизни моей.
Нет, зачастую я думаю, я и сам ничего не знаю
о своей подлинной жизни,
Несколько слабых намеков, несколько сбивчивых,
разрозненных, еле заметных штрихов,
Которые я пытаюсь найти для себя самого,
чтобы вычертить здесь.)

ГДЕ ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ?

Где осажденная крепость, бессильная
отбросить врага?
Вот я посылаю туда командира, он проворен,
он смел и бессмертен,
С ним и пехота, и конница, и обозы орудий.
И артиллеристы беспощаднее всех,
что когда-либо палили из пушек.

ТЕБЕ

Первый встречный, если ты, проходя,
захочешь заговорить со мною, почему бы
тебе не заговорить со мною?
Почему бы и мне не начать разговора с тобой?

Ощущение здоровья, трели в полуденный час,
та песня, что поется во мне, когда,
встав поутру, я встречаю солнце.
Ты думал, что тысяча акров — это много?
Ты думал, что земля — это много?
Ты так долго учился читать?
Ты с гордостью думал, что тебе удалось
добиться до смысла поэм?
Побудь этот день и эту ночь со мною,
и у тебя будет источник всех поэм,
Все блага земли и солнца станут твоими
(миллионы солнц в запасе у нас),
Ты уже не будешь брать все явления мира
из вторых или третьих рук,
Ты перестанешь смотреть глазами давно умерших
или питаться книжными призраками,
И моими глазами ты не станешь смотреть,
ты не возьмешь у меня ничего,
Ты выслушаешь и тех и других
и профильтруешь все через себя.

3

Я слышал, о чем говорили говоруны,
их толки о начале и конце,
Я же не говорю ни о начале, ни о конце.
Никогда еще не было таких зачатий, как теперь,
Ни такой юности, ни такой старости, как теперь,
Никогда не будет таких совершенств, как теперь,
Ни такого рая, ни такого ада, как теперь.
Еще, и еще, и еще,

Это вечное стремление вселенной рождать
и рождать,
Вечно плодородное движение мира.
Из мрака выходят двое, они так несхожи,
но равны: вечно материя, вечно рост, вечно пол,
Вечно ткань из различий и тождеств,
вечно зарождение жизни.
Незачем вдаваться в подробности,
и ученые и неучи чувствуют, что все это так.
Прочно, и твердо, и прямо, скованные
мощными скрепами,
Крепкие, как кони, пылкие, могучие, гордые,
Тут мы стоим с этой тайной вдвоем.
Благостна и безмятежна моя душа, благостно
и безмятежно все, что не моя душа.
У кого нет одного, у того нет другого,
невидимое утверждается видимым,
Покуда оно тоже не станет невидимым
и не получит утверждения в свой черед.
Гоняясь за лучшим, отделяя лучшее от худшего,
век досаждаст веку —
Я же знаю, что все вещи в ладу и согласии.
Покуда люди спорят, я молчу, иду купаться
и восхищаться собою.
Да здравствует каждый орган моего тела
и каждый орган любого человека, сильного
и чистого!
Нет ни одного вершка постыдного, низменного,
ни одной доли вершка, ни одна доля вершка
да не будет менее мила, чем другая.

Я доволен — я смотрю, пляшу, смеюсь, пою;
Когда любовница ласкает меня, и спит
рядом со мною всю ночь, и уходит
па рассвете украдкой,
И оставляет мне корзины, покрытые
белую тканью, полные до краев, —
Разве я отвергну ее дар, разве я стану укорять
мои глаза
За то, что, глянув на дорогу вослед моей милой,
Они сейчас же высчитывают до последнего цента
точную цену одного и точную цену двоих?

4

Странники и вопрошатели окружают меня,
Люди, которых встречаю, влияние на меня
моей юности, или двора, или города,
в котором я живу, или народа,
Новейшие открытия, изобретения, общества,
старые и новые писатели,
Мой обед, мое платье, мои близкие, взгляды,
комплименты, обязанности,
Подлинное или воображаемое равнодушие
ко мне мужчины или женщины,
которых люблю,
Болезнь кого-нибудь из близких или моя болезнь,
проступки, или потеря денег, или нехватка
денег, или уныние, или восторг,
Битвы, ужасы братоубийственной войны,
горячка недостоверных известий,
спазмы событий —

Все это приходит ко мне днем и ночью
и уходит от меня опять,
Но все это не Я.
Вдали от этой суеты и маеты стоит то, что есть Я,
Стоит, никогда не скучая, благодущное,
участливое, праздное, целостное.
Стоит и смотрит вниз, стоит прямо
или опирается согнутой в локте рукой
на некую незримую опору,
Смотрит, наклонив голову набок,
любопытствуя, что будет дальше.
Оно и участвует в игре, и не участвует,
следит за нею и удивляется ей.
Я смотрю назад, на мои минувшие дни,
когда я пререкался в тумане с разными
лингвистами и спорщиками,
У меня нет ни насмешек, ни доводов,
я наблюдаю и жду.

5

Я верю в тебя, моя душа, но другое мое Я
не должно перед тобой унижаться,
И ты не должна унижаться перед ним.
Поваляйся со мной на траве, вынь пробку
у себя из горла,
Ни слов, ни музыки, ни песен, ни лекций
мне не надо, даже самых лучших,
Убаюкай меня колыбельной, рокотом
твоего многозвучного голоса.
Я помню, как однажды мы лежали вдвоем
в такое прозрачное летнее утро,

Ты положила голову мне на бедро, и нежно
повернулась ко мне,
И распахнула рубаху у меня на груди,
и вонзила язык в мое голое сердце,
И дотянулась до моей бороды, и дотянулась
до моих ног.
Тотчас возникли и простерлись вокруг меня
покой и мудрость, которые выше
нашего земного рассудка,
И я знаю, что божья рука есть обещание моей,
И я знаю, что божий дух есть брат моего,
И что все мужчины, когда бы они ни родились,
тоже мои братья, и женщины —
мои сестры и любовницы,
И что основа всего сущего — любовь,
И что бесчисленные листья — и молодые и старые,
И бурые муравьи в своих маленьких шахтах
под ними,
И мшистые лишай на плетне, и груды камней,
и бузина, и коровяк, и лаконоска.

6

Ребенок сказал: «Что такое трава?» —
и принес мне полные горсти травы,
Что мог я ответить ребенку? Я знаю не больше
его, что такое трава.
Может быть, это флаг моих чувств, сотканный
из зеленой материи — цвета надежды.
Или, может быть, это платочек от бога,

Надушенный, нарочно брошенный нам
на память, в подарок,
Где-нибудь в уголке есть и метка, чтобы, увидя,
мы могли сказать чей?
Или, может быть, трава и сама есть ребенок,
вращенный младенец зелени.
А может быть, это иероглиф, вечно один и тот же,
И, может быть, он означает: «Произрастая
везде, где придется,
Среди чернокожих и белых людей,
И канука, и токахо, и конгрессмена, и негра
я принимаю одинаково, всем им даю одно».
А теперь она кажется мне прекрасными
нестриженными волосами могил.
Кудрявые травы, я буду ласково гладить вас,
Может быть, вы растете из груди каких-нибудь
юношей,
Может быть, если бы я знал их, я любил бы их,
Может быть, вы растете из старцев
или из младенцев, только что оторванных
от материнского чрева,
Может быть, вы и есть материнское лоно.
Эта трава так темна, она не могла взрасти
из седых материнских голов,
Она темнее, чем бесцветные бороды старцев,
Она темна и не могла возникнуть
из бледно-розовых уст.
О, я вдруг увидел: это все языки, и эта трава
говорит,
Значит, не зря вырастает она из человеческих уст.

